

Ю. БУНИН

**«Вехи». Сборник статей
о русской интеллигенции**

2-е издание. М., 1909

Странная судьба выпала на долю русской интеллигенции. Даже самое слово «интеллигенция» до сих пор остается не вполне ясным и точным. В него вкладывается разнообразное и нередко противоречивое содержание. Еще больше противоречий встречается в оценке заслуг и значения нашей интеллигенции. Одни утверждают, что ни в одной стране нет такой идеалистической, бескорыстной и героической интеллигенции, как у нас; другие, напротив, наделяют ее одними пороками и недостатками. Не было бы ничего удивительного, если бы такое разноречие вытекало из коренной разницы общего мирозерцания у различных представителей нашей общественной мысли. Нет, часто случается, что люди, в общем единомыслящие, резко расходятся в оценке интеллигенции. В то же время люди разных мирозерцаний сходятся в нападках на интеллигенцию; на нее нападали и народники, и марксисты, и толстовцы, не говоря уже о реакционерах и консерваторах. Особенно много вынесла та часть интеллигенции, которая в разное время носила названия «нигилистической», «радикальной», «левой» и проч. Часто дело доходило до злобных и нелепых карикатур, которые в лучшей части нашего общества могли вызывать к себе одно лишь чувство презрения. Особенно много таких карикатурных искажений было в охранительной печати. Но, повторяем, не одни обскуранты и реакционеры восставали против радикальной интеллигенции. Многие прогрессисты крайне сурово относились к ней и в самых мрачных красках рисовали ее. Года три тому назад вышла, напр<имер>, обширная книга Е. И. Лозинского «Что же такое, наконец, интеллигенция?»¹,

в которой автор пытался доказать, что интеллигенция стремится создать для народа такой рабский строй, перед которым побледнеет современный буржуазно-капиталистический порядок.

Сборник «Вехи», выдержавший в течение нескольких месяцев три издания и привлекший к себе внимание почти всей нашей печати, также от начала до конца проникнут резко отрицательным отношением к интеллигенции. Прежде чем перейти к характеристике это «сборника», считаем нужным сделать оговорку. Мы далеко не принадлежим к числу таких, которые в нашей интеллигенции видят одни только достоинства и заслуги. Напротив, мы полагаем, что интеллигенция, как и всякий другой общественный слой, кроме положительных сторон, страдает многими недостатками и пороками. Думаем также, что весьма важно и полезно останавливаться на объективном и беспристрастном выяснении отрицательных сторон русской интеллигенции. Столь же важно уяснить себе меры, которыми эти отрицательные стороны могли бы быть уничтожены или по крайней мере смягчены. Было бы крайне полезно, действительно, поставить вехи на пути, по которому следует идти нашим интеллигентам. Эту ответственную задачу взяли на себя авторы сборника «Вехи», но разрешить ее сколько-нибудь правильно не смогли и, думается нам, скорее запутали, чем разъяснили вопрос.

Прежде всего нас поражает пристрастный и крайне субъективный тон большинства статей сборника. Авторы «Вех» не сдержали того обещания, которое они дали в первых строках своей книги. Автор предисловия к 1-му изданию, г. Гершензон, говорит: «Не для того, чтобы с высоты познанной истины доктринерски судить русскую интеллигенцию, и не с высокомерным презрением к ее прошлому писаны статьи, а с болью за это прошлое и в жгучей тревоге за будущее родной страны». Какие хорошие слова! Но сопоставьте с ними то, что говорит, напр<и-мер>, тот же г. Гершензон на с. 80: наши интеллигенты «не жили даже эгоистически, не радовались жизни, не наслаждались свободно ее утехами, но урывками хватали куски и глотали, почти не разжевывая, стыдясь и вместе вождедея, как проказливая собака... А в целом интеллигентский быт ужасен, подлинная мерзость запустения». Вся статья г. Гершензона написана в таком же духе. Другие статьи, правда, не проникнуты столь грубым тоном, но, к сожалению, слишком далеки от объективности и беспристрастия. Отчасти это объясняется тем, что большая часть авторов сами еще очень недавно состояли в рядах той самой радикальной интеллигенции, против которой

направлена их книга. Отколовшись от нее, они, как это большею частью бывает у людей, перешедших из одного лагеря в другой, не сумели отрешиться от предвзятого отношения к своим старым товарищам, крайне преувеличивая их недостатки и пороки и утеривая надлежащую перспективу в оценке лиц и событий.

Отсутствие беспристрастия связывается у многих авторов «Вех» с необыкновенным самомнением, плохо вяжущимся с проповедуемым ими христианским смирением. Они чрезвычайно высокомерно относятся к очень видным русским мыслителям. Напр<имер>, по словам г. Бердяева, Белинский «не обладал философским методом мышления», Михайловский был «без настоящей школы и без настоящих знаний» и т. д. Г. Бердяеву и его товарищам критика указала на целый ряд существенных несообразностей, противоречий в их статьях, даже на отсутствие у них ясного представления о том, кого следует понимать под именем «интеллигенция» и проч., причем среди лиц, писавших о «Вехах», встречаем весьма почтенные имена, как, напр<имер>, К. К. Арсеньева. И что же? В ответ на эту полемику в прим<ечании> ко 2-му изд<анию> г. Бердяев говорит: «Верность моей характеристики интеллигентской психологии блестяще подтверждается характером полемики, возгоревшейся вокруг “Вех”. Не ожидал я только, чтобы неспособность критиковать *по существу* духовно-реформаторскую работу “Вех” оказалась столь всеобщей». Что г. Бердяев понимает под критикой *по существу* — остается совершенно невыясненным. К сожалению, не один только г. Бердяев проявляет такое высокомерное отношение к своим оппонентам; этим свойством отличаются и некоторые другие авторы сборника, несмотря на то что они не имеют на это никакого права, ибо каких-либо особых заслуг перед русским обществом у них не числится.

Обратимся теперь к главным и основным положениям, выставляемым «Вехами».

* * *

По словам предисловия к 1-му изданию, «общей платформой» авторов этого сборника «является признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка является единственно прочным базисом для всякого об-

щественного строительства. С этой точки зрения, — продолжает г. Гершензон, — идеология русской интеллигенции, всецело покоящаяся на противоположном принципе — на признании безусловного примата общественных форм, — представляется участникам книги внутренне ошибочной, т. е. противоречащей естеству человеческого духа, и практически бесплодной, т. е. неспособной привести к той цели, которую ставила себе сама интеллигенция, — к освобождению народа». «Путь, которым шло до сих пор общество, привел его в безвыходный тупик. Наши предостережения не новы, — говорит автор предисловия; — то же самое неустанно твердили от Чаадаева до Соловьева и Толстого все наши глубочайшие мыслители. Их не слушали, интеллигенция шла мимо них. Может быть, теперь разбуженная великим потрясением, она услышит более слабые голоса».

Итак, главный грех и несчастье русского общества заключается в «признании безусловного примата общественных форм над внутреннею жизнью личности». При таком положении вещей, казалось бы, важнейшей задачей участников сборника, желающих, чтобы их голоса, хотя и «более слабые», чем голоса «глубочайших мыслителей», должно бы быть основательное и серьезное опровержение отмечаемой ими ереси нашей интеллигенции. — Однако авторы «Вех» не взяли на себя решение этой задачи. Ни в одной из статей сборника вопрос о взаимоотношении общественных форм и внутренней жизни личности не только не разработан, но даже и не затронут хоть сколько-нибудь в серьезной степени. Нельзя же в самом деле удовлетворяться таким рассуждением: интеллигенция признавала всегда с упорством свой основной догмат о примате общественных форм над внутреннею жизнью личности и зашла в безвыходный тупик — значит, догмат ложен и должен быть заменен новым, диаметрально противоположным. Нам кажется, не нужно быть особенно тонким философом, чтобы усомниться в *необходимости* причинной связи между указанным догматом и «тупиком», в котором очутилось теперь русское общество, — ведь *допустимо*, хотя бы чисто теоретическое, предположение, что «тупик» явился результатом какой-либо иной причины или совокупности причин. А если это так, то следовало бы авторам сборника для успеха своей «духовно-реформаторской работы» (выражение г. Бердяева) запастись другими аргументами, имеющими более убедительную силу. К тому же разбираемый вопрос далеко не новый для нашего общества. По уверению г. Гершензона, русская интеллигенция «не слушала своих глубочайших

мыслителей и шла мимо них». Допустим, что дело обстояло именно так, как говорит г. Гершензон, но мы никак не можем поверить ему, чтобы русская интеллигенция совсем не считалась с доводами «глубочайших мыслителей» и не пыталась защитить своей «ереси». У многих еще на памяти та полемика, которая возникла, напр<имер>, вокруг учения Л. Н. Толстого о преимуществах личного совершенствования над стремлением реформировать общественные формы. В период наибольшего расцвета толстовского учения — в 80-х годах минувшего века — можно без преувеличения сказать, образовалась целая толстовская литература, в которой, между прочим, можно найти множество доказательств pro и contra по вопросу о взаимоотношении общественных форм и внутренней жизни личности. Пусть большинство представителей русской интеллигенции ошибалось, не оценив учения Л. Н., но тем, которые желают продолжать его дело, надо было бы систематизировать доводы противников Толстого и постараться опровергнуть их. Авторы «Вех» ничего подобного, повторяем, не сделали, а потому их «общая платформа», пожалуй, не произведет должного впечатления, несмотря на их уверенность в том, что теперь вследствие образовавшегося «безвыходного тупика» их «духовно-реформаторская работа» окажется более плодотворной, чем работа «глубочайших мыслителей».

Допустим, однако, что «платформа» сборника не возбуждает никаких сомнений и что на ней, действительно, следует объединиться всей нашей интеллигенции. Но и при таком допущении невольно возникает мысль: достаточно ли одной этой платформы, чтобы наша интеллигенция пошла по пути, указываемому «Вехами»? Как увидят ниже читатели, авторы сборника считают необходимым, чтобы интеллигенция воспитывалась в духе религиозности, государственности и национального самосознания, в уважении к культуре, к науке и к развитию производительных сил страны. Очевидно, что задачи такого воспитания очень сложны. Упомянутая выше «платформа» сама по себе мало может помочь делу. Достаточно вспомнить, напр<имер>, Л. Н. Толстого, которого, судя по предисловию, авторы «Вех» считают своим учителем. И что же мы видим? Л. Н. Толстой и толстовцы, глубоко проникнутые идеей верховенства личного совершенствования над общественными формами, являются по содержанию своих взглядов антиподами авторам «Вех». Они отвергают государственность, культуру, науку, проповедают космополитизм и проч. Да и религиозность Толстого и его последователей такова, что с нею едва ли, например, помирится

г. Булгаков. В сборнике нет даже схематических, даже самых общих указаний на то, какими путями, какими средствами надо достигать перевоспитания интеллигенции в духе тех начал, которые ими выставляются. Ведь недостаточно же в этом деле одной проповеди, одного морализирования. Это осознает, например, даже г. Гершензон. Он говорит: «Нет, я не скажу русскому интеллигенту: “верь”, как говорят проповедники нового христианства, и не скажу также: “люби”, как говорит Толстой. Что пользы в том, что под влиянием проповеди люди в лучшем случае сознают необходимость любви и веры? Чтобы возлюбить или поверить, те, кто не любит и не верит, должны внутренне обновиться, а в этом деле сознание почти бессильно. Для этого должна переродиться самая ткань духовного существа человека, должен совершиться некоторый органический процесс в такой сфере, где действуют стихийные силы, — в сфере воли». Что надо сделать для перерождения духовного существа человека, об этом г. Гершензон ничего определенного не говорит, но важно, что он указывает на недостаточность одной проповеди и призыва к покаянию. А если это так, то являются необходимыми какие-то другие меры. И нам кажется, что когда авторы «Вех» задумаются над этими мерами, они невольно придут к мысли, что для успеха их «духовно-реформаторской работы» нужно создать, между прочим, благоприятную атмосферу и обстановку во всей окружающей нас жизни. Иными словами, нужно будет позаботиться о том, чтобы создать новые формы общественной жизни. Иначе их проповедь может не привести к желательным результатам, как и проповедь их предшественников-единомышленников. Ведь проповедь личного совершенствования давно уже имела место в нашем обществе. И неверно, что русское общество оставалось глухим к такой проповеди. Вспомним, напр<имер>, толстовство 80-х годов. Оно захватило одно время довольно широкие круги нашего интеллигентного общества. Толстовством увлекались тогда очень многие, но все-таки это было одно лишь увлечение, которое скоро рассеялось, когда обнаружилось, до какой степени затруднительно, почти невозможно перерабатывать духовное существо человека в атмосфере рабства, произвола и насилия, при тех формах общественности, в которых мы жили и живем. Значение форм общественности признается в известной степени и авторами «Вех», когда они объясняют происхождение пороков и недостатков русской интеллигенции. Почти каждый из них делает ссылки на наш деспотический строй, на наши общественные не порядки. Но если пороки и недостатки в суще-

ственных основах объясняются общественно-политическими условиями, то надо думать, что эти условия будут действовать и впредь. И в будущем будут сказываться на психике людей условия общественной жизни — хорошие в хорошем направлении, дурные — в дурном. Особенно это важно в деле перевоспитания общества. Ведь воспитывают не одни слова, не одна проповедь, а целый ряд общественных учреждений, в том числе и школа. Чтобы школа действительно могла воспитывать в умственном и нравственном отношении, она должна быть свободной, построенной на разумных педагогических началах; а разве возможна такая школа в ненормальном общественно-политическом строе? С последним необходима борьба во имя того же совершенствования личности и духовного существа человека. А такая борьба вот уже несколько десятков лет ведется тою интеллигенцией, на которую нападают авторы «Вех». Разумеется, необходимость этой борьбы не снимает с человека нравственной обязанности вести достойную жизнь, заботиться о своем нравственном и умственном совершенствовании. Но признание этого требования неравносильно признанию «платформы», выдвигаемой нашими авторами. Они, по-видимому, надеются, что события последнего времени заставят русскую интеллигенцию перейти на их сторону. Мы сильно сомневаемся в этом, хотя на временный успех они, вероятно, могут рассчитывать. Но успех этот, думается нам, будет именно временным и очень эфемерным.

* * *

Авторы «Вех» усиленно утверждают, что теперь наступило время, когда интеллигенция должна отвернуться от прежних своих идеалов и стремлений, так как она «не выдержала экзамена» и так как освободительное движение потерпело поражение главным образом вследствие того, что русская интеллигенция оказалась неспособной к общественно-политическому творчеству, к созидательной работе, не сумела проявить надлежащего такта, не могла понять переживаемого ею момента и учесть свои силы и силы противника, выказала такие эксцессы политического безумия, которые неминуемо должны были вызвать реакцию и контрреволюционное движение. Интеллигенция санкционировала будто бы проявления хулиганского анархизма и максимализма со стороны худших и наиболее разнузданных элементов населения и сама пользовалась недозволенными и безнравственными приемами борьбы. Такое поведение

интеллигенции явилось, по утверждению авторов «Вех», результатом ее нравственной и политической невоспитанности, ее грубо материалистического мирозерцания, ее безрелигиозности и антигосударственности.

Чтобы разобраться в этом обвинительном акте, необходимо прежде всего уяснить себе, насколько в действительности была велика роль интеллигенции во время революции 1905—1906 годов. Нам думается, что авторы «Вех» глубоко ошибаются, полагая, что революция эта была главным образом «интеллигентской» (так ее назвал г. Булгаков).

Интеллигенция, в том числе и «левая» часть ее, которую главным образом имеют в виду авторы «Вех», конечно, подготовляла освободительное движение и деятельно принимала в нем участие и во многом руководила им. Но целый ряд событий, имевших место во время революции и при этом придавших ей кровавый характер, совершился независимо от непосредственного влияния интеллигенции или же при слабом ее участии. Нередко случалось, что интеллигенция вообще и «левые» партии, в частности, только примыкали к начавшемуся уже движению и не имели возможности направлять его, ибо события иногда развертывались с необычайной быстротой и интенсивностью. Припомним некоторые важнейшие события из недавнего прошлого.

Первое наиболее крупное событие этой эпохи — 9 января 1905 года² — было подготовлено и приведено в исполнение совсем не интеллигенцией. Творцами его были Гапон и его предшественники Зубатов, Трепов и др. Для огромного большинства нашей интеллигенции 9 января явилось совершенной неожиданностью, а между тем оно придало кровавый характер дальнейшему течению революционного движения, возбудило страсти и ненависть среди рабочего населения. Почти столь же мало повинна интеллигенция в создании крестьянских аграрных погромов. В первых аграрных погромах, имевших место в 1902 году в Полтавской и Харьковской губерниях, все старания Плеве раскрыть «преступную пропаганду и агитацию» оказались тщетными³. Крестьянские беспорядки осенью 1905 года⁴, принявшие особенно широкие размеры, были столь же стихийными, как и беспорядки 1902 года. Роль интеллигенции была тут совсем минимальная. Скажем даже более: Крестьянский союз, возникший в 1905 году и руководимый интеллигентами, стремился придать аграрному движению более мирный, более легальный характер. Крестьянское движение выливалось в резко революционные формы в большинстве случаев вне непосред-

ственного воздействия и руководства интеллигенции. Еще в меньшей зависимости от *русской* интеллигенции находились революционные движения на окраинах: в Прибалтийском крае, Финляндии, Литве, Польше, на Кавказе и проч. Русские интеллигенты стояли очень далеко от революционных организаций на окраинах и даже слабо были осведомлены о их деятельности. Сближение началось только в разгар самой революции и не могло принять более или менее организованного характера. Бунты матросов также были подготовлены не интеллигенцией, а Цусимой и другими нашими поражениями во время японской войны; бунты эти возникали стихийно, и участие в них интеллигенции было крайне ничтожным. В гораздо большей степени революционность и активность интеллигенции сказалась в терроризме; но, во-первых, надо помнить, что терроризм практиковался у нас только одной партией с<оци-ал>-р<еволюционной>, остальные же социалистические партии (нар. соц., трудовики и самая обширная из них с<оциал>-д<е-мократическая>) относились к терроризму отрицательно, не говоря уже о кадетях, а во-вторых, как теперь выяснилось, Азефы и им подобные в организации террористических актов повинны, по-видимому, более, чем революционеры. Всю нашу оппозицию часто обвиняли, что она очень долго не решалась открыто высказать порицание терроризму, но это происходило не потому, что оппозиционные партии одобряли терроризм, а потому, что к порицанию террора их призывали правые партии с чисто провокационными целями. Наконец, в экспроприациях, убийствах частных лиц и проч. интеллигенция, за самыми малыми исключениями, вовсе не участвовала, и все партии, кроме ничтожных групп максималистов и коммунистов-анархистов, вполне определенно и ясно протестовали против таких приемов как в своей литературе, так и на своих конгрессах, конференциях и пр. Авторы «Вех» утверждают, что эксцессы революции явились неизбежным следствием интеллигентского мирозерцания, что всякого рода хулиганы и разбойники нашли в нем санкцию для своих поступков. Один из критиков разбираемого нами сборника И. Н. Игнатов по поводу последней мысли справедливо указывает, что ко всякому, даже самому высокому, учению приставали худшие элементы общества, искажая эти учения. Г. Игнатов говорит: «Оглянитесь на историю мировоззрений, признававших объективные или абсолютные ценности, — какую массу преступлений и действительно отвратительнейшего “хулиганства” находите вы в ней, прилепленных к великой идее... Сделаете ли вы Христа и заповедь

“Люби ближнего, как самого себя” ответственными за инквизицию, за аутодафе, за современные погромы?»

Из всего сказанного, думается нам, с наглядностью вытекает, что значительная часть революционных актов и выступлений не является делом рук интеллигенции, не есть результат революционной пропаганды и агитации, а представляет собою следствие десятилетиями и веками накопившегося недовольства, разразившегося взрывом в благоприятный для этого момент под давлением несчастной войны с Японией. Интеллигентское миросозерцание и все грехи и пороки интеллигенции здесь если и играли, то очень малую роль. Поэтому в высшей степени странным кажутся нам слова г. Струве о том, что суть дела не в том, что плохо делали революцию. «Она не в том, как делали, а в том, что вообще *делали*». Как человек, знакомый с историей и социологией, г. Струве должен был бы знать, что революцию никто никогда не делает, а она сама делается. Наша революция является ярким доказательством этого общеизвестного положения.

Реакция, возникшая вслед за революцией, явилась противовесом не интеллигентскому «нигилизму» и «анархизму». Для правящих классов оказались опасными не грехи интеллигентского миросозерцания, а эксцессы крестьянского и рабочего движения с их погромами, захватами, забастовками и т. п., развивавшимися, как мы видели, в значительной мере независимо от влияния интеллигенции. Правящие классы естественно стали на страже своих интересов и всеми средствами стремились предотвратить в будущем всякие посягательства на свои права и привилегии. В начале движения правящая бюрократия и привилегированные классы под влиянием испуга не учли своих сил и пошли на уступки, а затем прекрасно поняли свои преимущества и всемерно утилизировали их. Если бы не было революционных эксцессов, суть дела несколько бы не изменилась. Характер реакции был бы, разумеется, иной. Иной, быть может, был бы и темп ее развития. И только. Если взглядеться ближе, то всякий заметит, что реакция ненавидит умеренную оппозицию, напр<имер> кадетов, даже более, чем революционеров. Успокоением страны нельзя успокоить реакцию. Она развивается неуклонно, и, сообразно своей природе, стремясь все более и более вернуть старое и даже продвинуться дальше дореволюционного периода. Чтобы ни говорили авторы «Вех» и их единомышленники, победа реакции покоится не на промахах интеллигенции, а на «реальном соотношении борющихся сил», как принято теперь выражаться.

Считая до чрезвычайности преувеличенными мнения авторов «Вех» относительно крушения освободительного движения вследствие грехов и ошибок интеллигенции, мы тем не менее еще раз должны повторить, что далеки от мысли замалчивать эти грехи и ошибки и не придавать им значения. И некоторые указания «Вех» заслуживают внимания, но в основном «Вехи» неправы.

* * *

Авторы «Вех» упрекают русскую интеллигенцию в антигосударственности, в анархических тенденциях. Обвинение совершенно голословное и по меньшей мере запоздалое. В 60-х и 70-х годах прошлого столетия среди крайнего левого направления русской общественной мысли действительно преобладало анархическое течение в духе бакунинской теории, но уже в 80-х годах это течение потеряло под собою почву, и только толстовский анархизм имел тогда известный успех среди нашей интеллигенции. Социалистические же партии уже в то время в общем и целом были чужды анархизму. Доказательством может служить, например, речь Желябова в процессе 1 марта. «Мы, — говорил он, — государственники, не анархисты. Анархисты — это старое обвинение. Мы признаем, что правительство всегда будет, что государственность всегда будет существовать, поскольку будут существовать общие интересы». Если даже такие крайние представители революционного направления около 30 лет тому назад отрекались от анархизма, то что сказать об умеренном направлении, именовавшемся тогда «либеральным»? Наши «либералы» никогда не имели ничего общего с анархистами. Нечего и говорить, что в настоящее время идеи анархизма совсем непопулярны. Исключение представляют совершенно ничтожные группы интеллигенции. Посмотрите программы всех наших политических партий, и вы убедитесь в этом. Некоторые партии проповедуют республиканский и федералистический строй. Но разве Швейцария, Франция, Соединенные Штаты Сев. Америки — страны с анархическим строем? Об этом смешно даже и говорить.

Авторы «Вех», разумеется, всего этого не могут не знать и потому стараются придать «антигосударственности» нашей интеллигенции какой-то своеобразный смысл. Г. Струве говорит, напр<имер>: «принципиальное отрицание государства анархизмом есть нечто в высокой степени отвлеченное, так же как принципиальное признание необходимости общественной влас-

ти (т. е. в сущности государства) революционным радикализмом носит тоже весьма отвлеченный характер и стушевывается перед враждебностью к государству во всех его конкретных проявлениях». Это мнение г. Струве весьма оригинально. Во-первых, вместо характеристики русской интеллигенции здесь, как и в других местах, дается характеристика революционного радикализма, а во-вторых, что подразумевает автор под «государством во всех его конкретных проявлениях»? Идет ли здесь речь о всех государствах современного цивилизованного мира или только о русском? Не только все русские интеллигенты, но даже представители «революционного радикализма» едва ли враждебно относятся к государственному вмешательству в общественную жизнь и к участию в государственном строительстве своих единомышленников за границей. «Конкретные проявления» русской государственности — хотя бы, напр<имер>, времен Плеве — русские радикалы, действительно, считали вредными и относились к ним враждебно, но, насколько помнится, их не одобрял в своем «Освобождении» и сам г. Струве. Однако и здесь враждебность к «конкретным проявлениям» государственности далеко не доходила до тех пределов, чтобы русские «радикалы» совершенно отказывались от участия в строительстве государственной жизни, поскольку это представлялось возможным. Многие русские «радикалы» охотно шли, напр<имер>, в податную и фабричную инспекцию, возбуждали пред правительством в разных общественных учреждениях ряд ходатайств и т. п. * Что же касается русской интеллигенции в широком смысле этого слова, то она не только не чуждалась государственного строительства, но даже усиленно стремилась к нему.

Другим коренным пороком русской интеллигенции авторы «Вех» считают ее космополитизм, отсутствие национального чувства и патриотизма. Обвинение в отсутствии патриотизма до сих пор шло обычно из реакционных кругов — обвинение злостное и крайне несправедливое. Однако в известной мере оно объяснимо. Дело в том, что патриотизм реакционеров действительно вызывает в русской интеллигенции резкую враждебность. Вспомним, напр<имер>, как в первой Государственной Думе из рядов оппозиции раздался голос, говоривший, что

* В последние годы перед освободительным движением появилось отрицательное отношение к таким ходатайствам, но это происходило не вследствие отрицания государственности, а вследствие упорного и систематического игнорирования правительством общественных ходатайств.

понятие «патриотизм» до такой степени загрязнено нашими реакционерами, что называться «патриотом» в настоящее время стыдно. Если же патриотизмом называть служение своей родине, ее интересам и благу, то обвинять русскую интеллигенцию в отсутствии такого патриотизма было бы глубоко несправедливо. И такой патриотизм не находится ни в какой дисгармонии с идеей служения всему человечеству.

Национальный вопрос привлекает теперь к себе всеобщее внимание. Мы не имеем возможности хоть сколько-нибудь подробно касаться этого сложного вопроса в настоящей статье. Скажем только, что русская интеллигенция, стоя всегда за необходимость национального самоопределения всех народностей, опиралась в этом вопросе на принцип равноправия и никогда не мечтала о великодержавности русского племени, не была шовинистической. Национальную гордость и славу она видела в культурном развитии русского народа, в литературе, искусстве и проч. В этом была, по нашему мнению, заслуга интеллигенции. Не то замечается теперь. Не так давно в газетах возникла, напр<имер>, целая полемика по национальному вопросу по поводу ничтожного факта — инцидента с г. Чириковым в частном кружке, касавшегося отношения русских к евреям (вопрос этот был поднят по поводу пьесы г. Дымова из еврейского быта⁵). В этой полемике деятельное участие принял, между прочим, г. Струве. В газете «Слово» он провозгласил, что национальность — «это духовные притяжения и отталкивания», что «они живут и трепещут в душе», что «к национальным вопросам в настоящее время прикрепляются сильные, подчас бурные чувства. Чувства эти, поскольку они являются выражением своей национальной личности, вполне законны, и принципиальное их подавление и угашение есть глубокая ошибка и великое уродство». Г. Струве говорит, что нам пора проявить свое «национальное лицо». Хорошую характеристику взглядов этого автора сделал П. Н. Милюков в газете «Речь». «Конституционные и демократические элементы русского общества, мне известные лично, в огромном большинстве от «национального лица», открытого П. Б. Струве, предпочтут отвернуться», так как то настроение, которое отвечает нездоровым национализмом на нездоровый национализм в жизни может повести к печальным и тяжелым последствиям. Г. Милюков надеется, что скоро наступит время, когда все подобные тенденции рассеются, «как дурной сон».

Едва ли не самым главным недостатком русской интеллигенции авторы «Вех» считают ее отношение к религии. Тема

эта на все лады повторяется в сборнике, а в статье г. Булгакова она занимает центральное, доминирующее место. В противоположность г. Струве г. Булгаков уверен, что «религиозна природа русской интеллигенции... Интеллигенция, — говорит он, — отвергла Христа, она отвернулась от Его лика, исторгла из сердца своего Его образ, лишила себя внутреннего света жизни и платится вместе со своей родиной за эту измену, за это религиозное самоубийство. Но странно — она не в силах забыть об этой сердечной ране, восстановить душевное равновесие, успокоиться после произведенного над собой опустошения. Отказавшись от Христа, она носит печать Его на сердце своем и мечется в бессознательной тоске по Нем, не зная утоления своей жажды духовной». Вся статья проф. Булгакова написана в духе глубокой убежденности и искренности и невольно подкупает читателя. Проф. Булгаков вполне уверен, что душа русского человека полна «высшими религиозными потенциями». Если стать на эту точку зрения, проникнуться верой и религиозным чувством автора, то с ним трудно полемизировать. Тогда можно поверить, что среди интеллигенции вместо героев появятся христианские подвижники. Автор резко различает эти два типа: «задача героизма — внешнее спасение человечества (точнее — будущей части его) своими силами, по своему плану, «во имя свое»; герой тот, кто в наибольшей степени осуществляет свою идею, хотя бы ломая ради нее жизнь, это — человек-бог. Задача христианского подвижничества — превратить свою жизнь в незримое самоотречение, послушание, исполнять свой труд со всем напряжением, самодисциплиной, самообладанием, но видеть в нем и в себе самом лишь орудие Промысла. Христианский святой тот, кто в наибольшей мере свою личную волю и всю свою эмпирическую личность непрерывным и неослабным подвигом преобразовал до возможно полного проникновения волей Божией. Образ полноты этого проникновения — Богочеловек». Вот какой идеал рисуется пред взорами проф. Булгакова. Нам думается, что для реализации этого идеала нет никакой почвы ни в психологии современного цивилизованного человека вообще, ни русского интеллигента в частности. Нам кажется более правым г. Струве, который говорит, что с легкой руки Вл. Соловьева установилась своего рода легенда о религиозности русской интеллигенции, отождествляющая религиозность с повышенным идеалистическим настроением. Но г. Булгаков и его единомышленники проповедуют, конечно, не такую «религиозность», а признание высшего мистического начала, управляющего миром, подчинение ему своей воли,

чувств и всего поведения. Русский интеллигент проникнут, наоборот, духом рационализма и позитивизма. И поэтому можно думать, что проповедь наших неохристиан не принесет тех результатов, на которые они рассчитывают.

В наше время, правда, сильно возрос интерес к религиозным проблемам. Но это, по нашему мнению, обуславливается двумя главными причинами: во-первых, общим кризисом мирозерцания во всем современном цивилизованном мире, а во-вторых, характером переживаемой нами послереволюционной эпохи, в которые обычно на смену общественно-политическим вопросам выступают иные, в том числе на очень видном месте вопросы религиозные. Кризис мирозерцания в современном цивилизованном мире имеет под собой глубокие психологические и социологические корни. Современное человечество утратило во многом веру в те принципы, которые до сих пор считались руководящими и незыблемыми. Стройность научно-позитивного мирозерцания нарушена. Нарушена также и вера в прочность и устойчивость многих моральных принципов недавнего прошлого. Всюду идет брожение, замечаются искания новых синтезирующих начал. И это вполне понятно: вся жизнь современного культурного мира начинает перестраиваться; всюду замечается отсутствие равновесия в социальных отношениях. Соответственно с этим перестраиваются и основы общего мирозерцания. Чем завершится этот процесс перестройки общественных отношений и взглядов, можно предугадывать только в самых общих чертах. Но нет достаточных оснований думать, что кризис общего мирозерцания окончится установлением тех начал, которые выдвигают наши «духовные реформаторы».

Призыв их к религиозности мотивируется еще тем, что интеллигенция должна стать религиозной в интересах общественно-политических задач, что иначе никогда не будет заполнена пропасть между интеллигенцией и народом, который по своему духовному складу совершенно чужд ей. Неудача освободительного движения авторы «Вех» склонны объяснять, между прочим, этою отчужденностью народа от интеллигенции. Такое утверждение, однако, противоречит другому их утверждению о том, что ничтожная кучка революционеров сумела будто бы овладеть движением и привлечь к нему народные массы. Оба эти утверждения кажутся нам очень преувеличенными, но едва ли подлежит сомнению тот факт, что для совместной работы народа и интеллигенции вовсе не требовалось единения их в области религиозных вопросов. События последних лет рас-

крыли в значительной мере глаза народу, увидавшему, что интеллигенция является его другом, а не врагом, как старались уверить его в этом реакционеры. Надо полагать, что и в будущем интеллигенция и народ смогут дружно действовать независимо от разницы в сфере религиозных убеждений. Вообще мы думаем, что в эту интимную сферу не следует впутывать какие-либо практические соображения. Побеждать религиозный индифферентизм и вселять чувство религиозности можно и должно совсем иными приемами и аргументами. Мы сомневаемся, однако, чтобы наши духовные реформаторы обладали ими в надлежащей мере.

* * *

Несмотря на все сказанное, с авторами «Вех», как мы уже говорили выше, во многих отношениях нельзя не согласиться, хотя и с некоторыми оговорками. Нельзя, напри<ер>, не признать справедливость слов г. Бердяева, что русская интеллигенция слабо, поверхностно и односторонне знакомится с важнейшими философскими теориями. В известной степени верно и то, что «интерес широких кругов интеллигенции к философии исчерпывался потребностью в философской санкции общественных настроений и стремлений». Прав также г. Бердяев, когда он говорит, что в этом сказалась «наша малокультурность, примитивная недифференцированность» и что «вся русская история обнаруживает слабость умозрительных интересов». Верно, наконец, и то, что многие философские, социологические и научные теории подвергались на русской почве искажениям и односторонним толкованиям.

Признавая все это, мы, однако, не можем не указать на крайне пристрастные характеристики наших отдельных философов и писателей, сделанные г. Бердяевым. Не можем мы согласиться с ним и в том, что у нас должна народиться какая-то особая, своя, русская философия. Г. Бердяев говорит: «Истина не может быть национальной, истина всегда универсальна, но разные национальности могут быть призваны к раскрытию отдельных сторон истины. Свойства русского национального духа указывают на то, что мы призваны творить в области религиозной философии». Последнее утверждение надо отнести в область верований автора, чисто субъективных и ничем им не доказанных.

Станным кажется нам и объяснение автора главной причины того, что философия находится у нас в печальном положе-

нии. «С русской интеллигенцией, — говорит он, — в силу исторического ее положения, случилось вот какого рода несчастье: любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине». Главная причина слабого философского развития русской интеллигенции лежит, конечно, не здесь, а в том, что наша культура вообще стоит еще на низкой ступени. «Любовь к истине» не только не отрицалась, но принципиально защищалась теми мыслителями, на которых нападает г. Бердяев. Вспомним, наприм<ер>, известное учение Михайловского о правде-истине и правде-справедливости. Обе эти правды не противопоставлялись друг другу у Михайловского, а, напротив, — приводились в гармонию.

Глубоко не согласны мы и с заключительным аккордом статьи г. Бердяева: «Мы освободимся от внешнего гнета лишь тогда, когда освободимся от внутреннего рабства, т. е. возложим на себя ответственность и перестанем во всем винить внешние силы. Тогда народится новая душа интеллигенции». Еще раз должны мы повторить, что если односторонне все сводить к внешним силам, то еще более односторонне и ошибочно думать, что «освобождение от внутреннего рабства» возможно в широком масштабе в рабском обществе, находящемся под внешним гнетом.

Другой автор «Вех», г. Кистяковский, сделал много ценных и справедливых указаний о слабом развитии у нас правосознания и правовых идей и о важности этого предмета для прогресса страны. Подобно многим специалистам, автор, оценивая значение права, впадает даже в преувеличения. Едва ли, напр<имер>, можно согласиться с его утверждением, что «право в гораздо большей степени дисциплинирует человека, чем логика и методология или чем систематические упражнения воли». Или: «социальная дисциплина создается только правом». Г. Кистяковский в общем верно изобразил «убожество» нашего правосознания. «У нас, — говорит он, — при всех университетах созданы юридические факультеты; некоторые из них существуют более ста лет, есть у нас и полдесятка специальных юридических высших учебных заведений. Все это составит на всю Россию около полтора ста юридических кафедр. Но ни один из представителей этих кафедр не дал не только книги, но даже правового этюда, который имел бы широкое общественное значение и повлиял бы на правосознание нашей интеллигенции. В нашей юридической литературе нельзя указать даже ни одной статейки, которая выдвинула бы впервые

хотя бы такую, по существу неглубокую, но все-таки верную, боевую правовую идею, как иеринговская «Борьба за право»⁶. Автор справедливо указывает, что в русском обществе было время, когда в отсутствии внешнего правопорядка видели не зло русской жизни сравнительно с европейской, но даже преимущества. Так думали славянофилы, а также Герцен и вообще весь кружок людей сороковых годов. Равнодушие к правовым гарантиям проявлялось и в гораздо более позднее время. Народники так же, как и славянофилы, полагали, что «русскому народу чужды «юридические начала», что, только руководясь своим внутренним сознанием, он действует исключительно по этическим побуждениям». Отсутствие ясного и правильного правосознания автор отмечает и у деятелей нашей революции. Он верит, что такое печальное положение дел скоро изменится, что необходимость прочного и ненарушимого правопорядка будет вполне осознана нашей интеллигенцией. Нам кажется только странным то средство, которое рекомендует автор для достижения указанной им цели. «Теперь, — говорит он, — интеллигенция должна уйти в свой внутренний мир, вникнуть в него для того, чтобы освежить и пробудить его. В процессе этой внутренней работы должно наконец пробудиться и истинное правосознание нашей интеллигенции». Каким образом из «процесса внутренней работы» возникнет правосознание, остается тайной автора.

Интересными, справедливыми и поучительными кажутся нам и многие мнения г. Изгоева о нашей учащейся молодежи. Автор указывает на «отсутствие у нашей интеллигентной семьи всякой воспитательной силы». «Наша семья, — говорит он, — и не только консервативная, но и передовая, семья рационалистов, поражает не одним своим бесплодием, неумением дать нации культурных вождей. Есть за ней грех куда более крупный. Она не способна сохранить даже физические силы детей, предохранить их от раннего растреления». В средней школе единственное культурное влияние на воспитанника имеет товарищество, но и оно обладает многими опасными и вредными сторонами. В гимназическом товариществе юноша «уходит уже в подполье, становится отщепенцем». Юноша делается враждебным окружающему миру; «он презирает гимназическую (а впоследствии и университетскую) науку и создает свою собственную», «сразу проникается чрезмерным уважением к себе и чрезмерным высокомерием к другим». В университете студенты мало и плохо учатся, предаются попойкам и разврату, причем нередко получается «невозможная смесь разврата и

пьянства с красивыми словами о несчастном народе, о борьбе с произволом» и т. д.

Фактическое положение дела изложено г. Изгоевым в общем верно. Хотя краски местами наложены слишком густо. Но автор, по нашему мнению, весьма слаб в объяснении причин ненормального состояния молодежи. Высшим моральным лозунгом нашей молодежи радикального направления, по словам г. Изгоева, является принцип: «иди и умирай», но «не могут люди жить одной мыслью о смерти и критерием всех своих поступков сделать свою постоянную готовность умереть. Кто ежеминутно готов умереть, для того, конечно, никакой ценности не могут иметь ни быт, ни вопросы нравственности, ни вопросы творчества и философии сами по себе». Однако, продолжает автор, «огромное большинство нашей средней интеллигенции все-таки живет и хочет жить, но в душе своей исповедует, что свято только стремление принести себя в жертву. В этом трагедия русской интеллигенции». Все это рассуждение г. Изгоева кажется нам одним искусственным теоретизированием. В сущности, у огромного большинства передовой молодежи вовсе нет той трагедии, о которой говорит автор. Значительная часть молодежи красоту своей общественной деятельности видела вовсе не в том, что надо «умереть». Самая борьба ради блага народа казалась ей дорогой и привлекательной, и смысл деятельности заключался не в том, чтобы приносить жертвы во что бы то ни стало, а чтобы добиться осуществления идеала или по крайней мере приблизить к нему жизнь народа. Знаменитый стих Некрасова: «Уведи меня в стан погибающих за великое дело любви»⁷, без которого жертва утрачивает всякое значение и привлекательность. При таком сочетании вполне возможны жизнерадостность и гармония духа, которые очень нередко в действительности бывали у лучших представителей нашей интеллигентной молодежи. Кроме того, формула «иди и умри» для среднего интеллигента из радикалов имела относительное значение, она являлась скорее отвлеченным лозунгом, чем обязательною заповедью, и уже по одному этому не могла вступать в серьезный конфликт с желанием жить и создавать трагедию.

Г. Изгоев, как и прочие авторы «Вех», верит в какое-то коренное перерождение общества и говорит далее, что «глубокое идейное брожение охватило теперь русское образованное общество. Оно будет плодотворным и творческим только в том случае, если родит новый идеал, способный пробудить в русском

обществе любовь к жизни. В этом основная задача нашего времени». Вся эта тирада кажется нам и напыщенной, и бессодержательной. О каком новом идеале говорит автор, какова сущность этого идеала — остается неясным.

Отмечая крупные недостатки нашей молодежи, автор все-таки признает за ней «огромную положительную роль, которую она играла в жизни страны». Студенчество, по словам Изгоева, до 17 октября 1905 года «было все-таки чуть ли не единственной группой, думающей не только о своих личных интересах. Но и об интересах всей страны. Оно будило общественную мысль, оно тревожило правительство, постоянно напомидало самодержавной бюрократии, что она не смогла и не сможет задушить всю страну. В этом была огромная заслуга, за которую многое простится». «Теперь, — думает г. Изгоев, — эта непосильная для молодых плеч задача снята», так как после 17 октября 1905 года произошел «коренной перелом в русской жизни». Последняя фраза кажется нам непомерно оптимистической, в особенности если сопоставить ее с общим утверждением авторов «Вех», что освободительное движение потерпело полное крушение. О каком же коренном переломе в русской жизни можно говорить при полном крушении освободительного движения?

Мы не будем говорить о других статьях сборника «Вехи», в которых также имеются многие справедливые указания недостатков нашей интеллигенции. Там отмечают: и узость кружковщины, и сектантский дух интеллигенции, и ее крайняя партийность, приводящая не к сплочению сил, а к их разброду и проч. Все это справедливо и заслуживает внимания, но мы никак не можем согласиться с одним из основных обвинений, выставленных против интеллигенции в сборнике: большинство авторов обвиняют ее за то, что она слишком много заботилась о благе народа и подчиняла ему объективные и абсолютные ценности. Нам кажется прежде всего непонятным, почему «народное благо» не может быть относимо к таким ценностям. Один из авторов сборника, г. Франк, к объективным абсолютным ценностям относит, напр<имер>, государственное могущество, национальное достоинство и т. д. Какие же преимущества имеют они перед «народным благом», чтобы их можно было, а последнее нельзя — причислять к абсолютным ценностям? Но главная суть дела заключается в том, что переживаемый нами момент страдает не излишеством забот о народном благе, а, наоборот, игнорированием его. Интересы народного блага все более отодвигаются на задний план, вопросы политики и обще-

ственной деятельности утрачивают интерес, общественные организации распадаются, общество впадает в апатию и уныние, и в такое время звать его от общественной работы в область мистики, национальных «притяжений и отталкиваний» и т. п. — значит содействовать не прогрессу, а реакции.

(Вестник воспитания. 1909. № 10. С. 1—26)

